ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРИИ, ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 2 коп.

ОДЕССКАЯ ГОСУДАРСТВ. ... 23 ИЮЛ. 1927 ... ОБЛАЧН. БИБЛИОТЕКА

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 10. | Август 1927 года | № 10.

О степных „дикарях".

Нынче снилась мне кибитка:[1])
Был во сне среди отар,[2])
Где в степи мальченкой прытким
Крал у солнца я загар.

Видел нынче сочный вечер;
Цепь оскалившихся гор.
Скоро-ль кинусь к ним навстречу,
Обниму родной простор?

Хорошо-бы в это лето
Вихрем мчаться в даль степей
И, как прежде, до рассвета
Об'езжать лихих коней.

Хорошо с киргизом старым
Заарканить „дикаря",
А потом .. залечь в кустарник,
Ждать, когда взойдет заря.

На заре придет Ахметка,
Плов[3]) горячий принесет,
Тихо ткнет колючей веткой,
Смехом юным зацветет.

Скажет мне,— садись на лошадь
И айда туда скакать.
Наша степь, как день хороший,
Ей и края не видать.

„Дикари" под нами пляшут.
Крепко взнузданы. Храпят.
И ногами землю пашут,
Птицей сказочною мчат.

Но... увы, меня с Ахметкой
Заарканили в рабфак
И взнуздали книгой крепко
На три года,— слышь, уртак![4])

Мы степными „дикарями"
Ведь не зря пришли в рабфак:
Нас об'ездят букварями,
Нас другими ждет кишлак.[5])

Глушь степную мы расколем
Взмахом новым кетменя[6]).
Степь, пески окрасим в поле,
Песней новою звеня...

В. Иванов.

---

[1]) Кибитка—дом.
[2]) Отара—стадо.
[3]) Плов—рисовая каша, сваренная в бараньем жире.
[4]) Уртак—товарищ.
[5]) Кишлак—село, деревня.
[6]) Кетмень—лопата.

Лесные встречи

(Рассказ М. Кольчугина).

.... Горячо и ароматно дыхание трав. Где-то на дне зеленых кюсм, не расплетаясь, рвутся шелковые пряди. Мягко, как пухлый снежок, осаждаются подтравные мхи, хрустя под подошвами. Чем ходчей идешь, тем больше путаются носки в травах, тем больше кропятся колена цветочной пыльцой.

.... Посреди поляны Алешка заметил чью-то голову, повязанную в ярко-карминный платок, и лезет к ней на прямик, по пояс в траве. Вспыхнувшая цветью поляна и солнечная радость гонят от него усталость.

Не дойдя до женщины шагов пятнадцать, он остановился и начал смотреть на нее. В больших кичках голова ее походила на угольчатый кузов, обвязанный в платок.

Женщина оробело крикнула в разморенный воздух:

— Откуда ты заявился, Алешка?

Матреша, зачем ты сюда?—воскликнул Алешка в свою очередь, узнав женщину.

От неожиданной встречи они не смогли сразу продолжать разговор и с минуту глядели друг на друга безмолвно, так же, как безмолствовали тучные деревья, густо атаковавшие эту поляну.

С того времени, как им пришлось забывать друг друга, они сильно переменились. Матрешка отяжелела головой от густых волос, взваленных на макушку замужеством. Под их тяжелыми узлами она плотно раздалась в плечах, и груди ее приготовились рвать оранжевую кофту. Алешку, вместо синих козюльчатых порток и посконной широкорукавки, обольнула белоснежная рубашка, щегольски заправленная в черные суконные брюки. И ворот его рубашки не расстрочен попрежнему красными петушками, а прикрылся фиолетовым галстухом.

Смотрит Алешка на Матрешку и из нутра ему что-то подсказывает, что любовь их, брошенная когда-то отцом матрешкиным, как камень в бучило, воротилась вдруг радостной, весенней птицей. И Матрешка, не отрывая глаз, глядит на него, точно хочет сказать: „сердце истаяло по твоей курчавой головушке, Алеша!“

Заговорила вперед Матрешка.

— Чтой-то ты приехал к нам? Ай по деревне соскучился?

— Да, чистый воздух глотать,—ответил Алешка. В городе того нет, что здесь. Ведь это что!— обвел он полукруг в воздухе,—лес! цветы! Как сюда не приехать!

— Как ты меня отыскал в таком безлюдье?

— Сперва думал, что мухомор,—смеется Алешка,—потом, смотрю, шевелится. Ого-о, думаю, вот так мухомор!

— Неужели я такая ядовитая, что на мухомор похожа?

— Может быть, и ядовитая, я же тебя не кушал.

Она замахнула руку и сорвала полную горсть Ивана-да Марьи.

— Цветами мы богаты, еще чего, а цветов хоть на воз вей. Сядь, посиди, предложила она. Помнишь, когда-то просиживал по целой ночи.

— Были такие времена,—грустно сказал Алешка, опускаясь рядом с ней.

— Что ты тут, с лошадьми что ль сидишь, или еще что? спросил он.

Она, точно застигнутая врасплох, с минуту ничего не отвечала и, смутившись, будто подыскивала слова для ответа.

— Из Марьинки иду я—заговорила она. —Пошла через лес, думала выгадать, да заблудилась было совсем. Села, вот, отдохнуть и ты тут и был.

— Т-а к,—протянул он.—Ну как поживаешь с своим Николкой?

— Так себе—закружила она перед собой сломанным стебельком медвежника. — Живем потихоньку.

— А я часто о тебе вспоминаю,—он коснулся ее сарафана, надувшегося огневым пузырем, и немного погодя добавил:

— Ты сейчас красивей прежнего стала.

— Чем же это?

Вместо ответа Алешка потрепал ее по плечу.

— Эх, Матреша! Ягода моя наливная!

Матрешка вздохнула.

— Да, случится же в жизни такое. Как мы с тобой дружили и пришлось расстаться.

— Все с вашей стороны зависело

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Помнишь, как это получилось то?

— По-о-мню,— тихо процедила она.— Отец-то теперь тужит. „Разве говорит, знато, что он такой деловой выйдет".

— Какой же я стал? затрепетал Алешка галстухом,—разве переменился?

Но она в это время слушала что то другое, должно быть улавливаемое только ею и неслышное для него. Потом она качнулась на бок, достала через его плечо лиловый колокольчик и рассматривая его заговорила:

— Что же это пчелы не пьют из него мед? И, будто под цветом подразумевая себя, закрыла оголенные колени. Потом она облокотилась на траву, сарафан натянулся и ноги заголели попрежнему.

— У нас говорят, что ты черпаком деньги меришь? завистливо глянула она ему в глаза.

Алешка рассмеялся.

— А у нас говорят, что тебе муж сундук оклеил деньгами изнутри?

— Кредитками-то? Они теперь все равно не ходят. Она опять глянула ему в глаза не то с удивлением, не то с завистью и, бросив в него цветком, улыбнулась обидчивой улыбкой.

— Нам сейчас ни голосу, ни проходу из-за этого богачества. Один почет: „кулаки, да кулаки". Ну, мужики туда, сюда а я-то причем, что за мной шугать?

Он немного передвинулся и согнул для удобства ноги в колене. Из кармана его брюк скользнул „Смит-вессон", сверкнув на солнце никкелем.

— Что это у тебя, леварвет? вздрогнула Матрешка.

— Да—взял его в руку Алешка.

— Заряженный?

— А как же! Смотри.

Он неожиданно для нее переломил его пополам и на ее грудь брызнули патроны, как литые желуди.

— Ой, ой! Застрелишь, Алешка!

— Не застрелю, проговорил он, шаря в траве патроны и снова вкладывая их в барабан.

— С этой собачкой я куда хошь,— сказал он, держа к ней дулом уже заряженный револьвер.

— Не наставляй на меня, я боюсь, испуганно дрожала она, смотря на его пальцы, с хрустом повертывающие барабан.— Зачем ты его носишь с собой?

— Без него нельзя..

Тень большой птицы бесшумно проплыла по траве, задев пышные икры матрешкиных ног. Алешка глянул на солнце, от которого удалялся ворон, тяжело маша крыльями.

— Рано еще, часа три, не больше— сказала скороговоркой Матрешка, подумав, что он собирается уходить.

— Через полчасика, примерно, пойду, сказал он.

— Далече?

— В Барсучий овраг хотел сходить.

Почто?— вскрикнула она, не меньше испуганно, как при разряжании револьвера.

— Посмотреть, живут там барсуки или нет?

— Не ходи, Алешка, завопила она. разорвут они тебя там. Ты не знаешь, какие они злющие.

— Ну—да разорвут, тяжел я им буду— и он сделал попытку встать.

Матрешка схватила его руку своей распотевшей рукой и заколдовала жалостно-теплым и испуганным взором.

— Навернулся не в кои годы раз и бежишь. Посидел бы. Ай забыл, как раньше то сидели, с зари до зари.

Он снова лег около нее.

— Хотелось какому-нибудь зверюге лоб расколотить. Нушь, надо уважить, не пойду.

— У—у,—стрелок—бросила она с шутливым упреком—промахнешься ведь.

— Кто? Я?

— Ты, а то кто же?

— А давай поспорим, что нет!

— Давай.

— А чем заплатишь, если проспоришь?

— На что будем спорить, тем и за плачу.

— А если я запрошу того, за что тебе муж спасибо не скажет?

Вместо ответа она не сильно хлестнула его по лицу густым метельником и, сдернув платок на глаза, принялась расправлять смявшиеся складки сарафана.

— Что то ты накрылась?

— Жарко, отозвалась она, бесцельно тормоша сарафан.

— Не пойдешь за барсуками? спросила она снова таким тоном, что Алешке пришлось сказать убедительнее прежнего:

— Да, нет же, сказал—не пойду, значит не пойду.

— Побожись.

— Честное слово.

Матрешка легла в траву, развязала платок с головы и накрыла им лицо. Алешка насыпал на него Ивана-да Марьи, душистого горошку и розовой кашки.

— Вот хорошо-то, заговорила она сквозь цветы,— и холодок, и пахнет, как медом. Алешка подвинулся к ней и заговорил ласково, как мать над колыбелью:

— Была бы ты моя жена, Матрешка, не скручивала бы так косы. Носила бы ты их распущенными и связывала бы в пук, широкой, голубой лентой.

— Я сейчас сделаю так, хочешь? вспыхнула она жаркими словами — и, подсунув руки под платок, начала расплетать тугие жгуты, копошась пальцами под закрытием.

Окончив это, она сбросила платок через лоб и, тряхнув головой, обернулась к нему с милой улыбкой.

— Так-то, что-ли?

Волосы ее густые, как трава заливного луга. И от того, что она держала их всегда в плетенках, они сделались крупно волнистыми, распушившимися сейчас на круглых плечах и придавшими еще больше красоты ее темным глазам и вспыхнувшим румянцем щекам.

— Матрешка! загорелся Алешка и прижал ее к себе, горячую и мягкую...

... Ой, вы, зеленые дубравы! Горячее дыхание трав! Хороши эти лесные встречи, кроме солнца и леса никто не увидит тебя. Хорошо встречаться глаз на глаз с природой. Понимать глубину ее вековых дум, выслушивать от недр лесных никем не пропетые песни.

. . . . . .

. . . . . .

Алешка ходил по поляне и рвал колокольчики с сондырем. Когда его рука стала ломиться от душистого и тяжелого пука цветов, он подошел к Матрешке.

Она спала, вольно разбросав руки и ноги. Сарафан и кофта ее пылали на солнце огненно-желтым разливом. Каштановые волосы сильно растрепались и вплелись в травы. Отброшенный карминовый платок, казалось, старался поджечь своим пламенем буйные травы.

Сперва Алешка стоял так, что его собственная тень защищала от солнца ее раскрасневшее лицо, покрытое мелкими бусинками пота. Потом он осторожно обложил ее цветами и сделал тень из густых кленовых ветвей.

Оставив ее в таком виде, спящую, он пошел в Барсучий овраг, держа на готове револьвер.

— Лес здесь темен и непролазен. Через край наполнены его недра запахами мхов и прохладой. Могучие дубы и осины срослись в одну темно-зеленую тучу, заслонившую весь мир. Внизу накрепен, без разбору, валежник. Он лежит под кустами, и эти же кусты придавлены сверху свалившимися деревьями.

Алешка крадется осторожно, почти без хрусту, точно боясь разбудить шорохом спящую на поляне. Он пронизывает глазами заросли и вспоминает деревенские рассказы о Барсучьем овраге. По словам бабки Дарьи, здесь, под каждым сучком, должен лежать серый волчище и хрястать человеческие кости, зажав их в большие мохнатые лапы. Но тихо здесь. Тихо и спокойно, как после большой грозы. И если где высоко, высоко зашепчут листья, то шелест их здесь слышен так же, как на дне море всплески бурливых волн.

Здесь Алешка дал раздолье своим думам Он думал о только что минувшем — возвратившем ему желаемое,— не сбывшееся раньше.

— А, должно быть, плохо ей живется с Николкой,— думает он, и тут же сам себе отвечает:— Ну, да, плохо. Не от хорошей жизни забрела она сюда, к чорту на кулички. Врет, что в Марьинку ходила, какая у ней там родня? Не иначе, как он, бурлак толстомордый, насолил ей чем нибудь, выругал он ее мужа — Николку. Он сильно жалел Матрешку. Но вместе с этим был он и доволен, что ее замужество нерадостно. Он вспомнил слова своей матери, которые она при встрече с Матрешкой всегда повторяет:

— Вот, Матрюшенька, не отдал тебя отец к нам, побоялся докучать будем ему всяком всячином, а, глядь, мой Алешка вон каким золотником оказался!

— Я, тетка Алена, сама ему каждый раз в глаза тыкаю, отвечает Матрешка.

В голове алешкиной ткется мысль, что может быть любовь их, когда-то увядшая, с нынешнего дня зацветет снова. И мать его не будет перечить, если Матрюшка уйдет от Николая, а он женится на ней, разведенной. Теперь ему всерьез хочется подкараулить зверя и всадить ему пулю в лоб. Ему уже мерещится, что он убил большого барсука, не успевшего спрятаться

в нору. Он берет его за задние ноги и волочит по поляне, пятная кровью траву. Подкрался он, будто, к Матрешке тихо, как недавно с цветами, и нежно будит ее, говоря, как в сказке: „Посмотри-ка, какой я тебе воротник достал на шубу. Ты проспорила!“ Она глянула на барсука и вскрикнула от испуга, а потом, довольная его победой, схватила его за руку: „Пойдем скорее домой. Мы за ним на лошади приедем!“

Обвороженный такими думами, он не заметил, как дошел до оврага. Земля начала вдруг круто спускаться вниз и до его слуха донесся какой-то глухой звук, похожий на удар валька по мокрому белью. Он остановился.

На дне оврага и по его сторонам растут огромные дубы. Неохватные стволы их, грузно окунувшиеся в густые слои кустов, походят на чугунные сваи, вбитые в зеленое дно большой реки. На сонм плотно вылитых сучьев, кажется, свалил кто-то со всего света листья. Солнце где-то закопалось в них и не дает о себе знать ни единой полоской луча.

Глухой звук донесся снова. Теперь Алешка ясно разобрал, откуда шли мокрые удары. Тихонько раздвинул он густые лиственные ветви. Открылся в зелени глубокий провал, ударивший в прозор запахом крови.

В провале, на вытоптанном дне оврага, грузно развалились две коровы, обдулывшие кровью. У одной уже распорото брюхо. И молодой парень, с хлопяными волосами, в черной рубахе, с засученными рукавами, раскорячившись над огромным клубком кишек, напоминающих скопище змей, старательно выдирает у ней сердце. Другая корова еще не совсем обделана. Над ней наклонились два мужика. Оба они сильно лохматые, на них холщевые безрукавные рубахи, и руки их сильно закровавлены. Мужики отдирают шкуру от зажелтевших жиром боков, втыкая кулаками под кожу, которая изредка шлепает, как снимаемая с отсочившегося дерева кора. Через некоторые промежутки времени все они отрывались от дела и, смотря в стороны поляны, вслушивались в глубокую тишину, точно желая уловить оттуда предупредительный крик.

Остолбенело смотрит Алешка на Николку,— матрешкиного мужа. Николка тряхнул хлопяными клочьями волос и, подняв перед собою сердце, капающее запекшейся кровью, тихо, с полным довольствием, сказал одному из мужиков:

— Смотри-ка, тесть, на полпуда потянет.

— Положи его отдельно — ответил за свата отец Николки.— Мы его домой захватим к ужину на жаркое.

Ширится, разрастается в глазах Алешки дно оврага. Двоятся и троятся люди. Окутавшие его тени сделались непомерно горячими. Застучало в висках, выбивая наружу пот, едкий, как медяная роса.

Так же тихо, как и подошел сюда, встал он и направился обратно. Густые ветви липняка раздавались его руками и тут же замыкались за его спиной. И с каждым шагом в голове его разростались думы, густые, как этот лес. **М. Кольчугин**

МОЯ ПЕСНЯ.

Зелен берег в мае...
Я стругаю тес,
Желтых стружек стая
Сыпется на плес.
Я сошью тесину,
Просмолю бока,
Вскину парусину—
Клином в облака.
Струг раздавит грудью
Пенную волну.
Запоет степную
Ветер старину:
„В зарослях калины
Леший с бахромой,
Он стоит былинный,
Хмурый и храмой“.
„Хоровод русалок—
Зелен хвост, и смех.
Месяц ждет устало
Водяных потех“.
Кто-ж не знает сказку
Тилизвон веков,
Про русалок ласку,
Хмурых лешаков.
Мне-ль отцовским страхом
Серебрить кудряк!!!
Сильны весел взмахи,
Бодры по утрам.
Стон стоит над Бугом,
Тростники звенят.
Будет ждать подруга
Русая меня!
Писаные брови
От тоски в тени.
Просмолю любовью
Трудовые дни.

Ф. Гуляшки.

Нужен-ли Туле местный литературный журнал?

(На обсуждение читателя „Молота“)

У нас в Туле до сего времени не было литературно-художественного журнала Правда — были попытки к их изданию, но они проваливались, благодаря неумелой постановке дела распространения.

Между тем, потребность в журнале ощущается большая. Местная организация, в течение шестилетней деятельности, создала свое творческое ядро из вполне выявивших себя творчески писателей и поэтов. Повременные издания и газеты не могут удовлетворить писателя, постоянно работающего над своими произведениями. Нужна постоянная, беспрерывная связь писателя с читателем, — нужен специальный литературно-художественный орган, который бы отражал творчество местных писателей и поэтов и этим способствовал бы не только дальнейшему творчеству и росту их, но и проявлению своих творческих способностей выростающего из рабкоровских недр литературного „молодняка“.

Для этой цели редакцией газеты „Коммунар“ был организован выпуск ежемесячного приложения к газете — „Молот“. Но „Молот“ настолько мал, что в нем не было возможности развернуться нашим писателям, не было возможности печатать более художественно-выдержанные вещи.

Перед нами и читателями встал вопрос о расширении „Молота“, — сделать из него большой журнал, примерно, как „Огонек“, „Экран“ и проч. журналы; печатать на хорошей бумаге, с помещением фотографических снимков из местной жизни, рисунков.

Но для этого нужны средства. А средства можно получить путем подписной платы.

Поэтому этот вопрос мы решили поставить на обсуждение нашего читателя. Пусть рабочий читатель ответит: следует ли расширять и улучшать „Молот“? Обременительны ли для него будут 5—10 к. ежемесячная подписная плата за журнал?

О том, нужен ли „Молот“, мы имеем положительный ответ читателя. Недавно „Коммунаром“ была проведена анкета среди читателей газеты и ее приложения „Молот“. Среди подавших анкету — $^3/_4$ высказались за издание „Молота“, дали хороший или удовлетворительный отзыв о „Молоте“, и лишь $^1/_4$ им неудовлетворена. И те, кто высказывался за издание „Молота“, настоятельно требовали его расширения и технического улучшения: улучшения бумаги, печати и т. д.

Значит, наши желания с читателем одни: сделать все возможное, укрепить связь писателя с читателем, сделать доступным для читателя творчество писателя.

Дело за средствами. Этот вопрос может быть разрешен при условии подписки на „Молот“ читателей газеты „Коммунар“, приложением которого и является „Молот.

При желании достигнуть этого мы можем лишь в том случае, если в свою очередь помогут как редакции, так и читателю, наши профорганизации, экспедиции печати при заводах и уполномоченные по печати.

Только при дружной работе можно создать такой литературно-художественный журнал, какой нужен нашему рабочему читателю.

В. Старцев.

На стройке

Под утро не скрипят ворота.
Все спит тяжелым, крепким сном.
Как-будто сторожа кого-то
Маячит строющийся дом.
Но только утром даль востока
Про ьет восходные лучи,
Весальщики, под визги блоков,
Роняют пот на кирпичи.
Клубятся над родным Заречьем
Заводский дым и стройки гуд
И зданий ширятся, растут
Чугунно-каменные плечи...
Веселым шумом день пронизан
И дом врастающий в века,
Железно-балочным карнизом
Красуется издалека,—
Стоит над всем, беззвучной речью
Взывая строить города...
Родное,
Дымное Заречье!
Родимая страна Труда!!!

М. Зайцев.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Демка-козоносец.

(Рассказ К. Шапошникова).

За длинным новым забором, пахнущим свеже-распиленным деревом, высились окутанные в паутину лесов громады красных корпусов.

К забору ближе, шпалерами в несколько рядов, протянулись на десятки саженей кирпичные клетки-штабеля.

Утреннее солнце, тяжело поднимаясь в гору, зажгло на лесах, на верхушках кирпичных клеток изумрудные огни, высушивая оставшиеся капли выпавшего ночью дождя.

У кирпичных клеток, на досках, сидели и лежали „козоносцы“, только что пришедшие на работу, курили и переговаривались между собой.

— Тишь... глянь-ка — наш „хлопотун“ Иван Кондратыч идет... да не один, а какого-то деревенского „растяпу“ к нам ведет—работать принял, видно, новенького... проговорил малый в накинутом на плечи пиджаке с порванными локтями, сплевывая в кирпичную стену.

— Ну-к што-ж... поглядел парень в синей рубахе без пояса, сделав над глазами щиток из ладони, — пускай поразомнется.

— Здорово, ребятки...— сказал подходя десятник...

— С добрым утром, Иван Кондратыч... ответило несколько голосов.

— Вот я „козоносца“ вам нового привел,—указал на подошедшего с ним парня в лаптях и синих холщевых штанах.

— Маслов,—обратился он к курносому малому, сосавшему „козью ножку“— ты покажи ему тут. как и што... а я пойду... он племяш Петру Чебышевскому—плотнику-то... знаешь?

— Как-же, Иван Кондратыч... знаю дядю Петру. . племяшу его помогу...

— Ну-к, садись, милый, рассказывай. Чай, сам-то Кобылинский, говоришь, дяди Федора сын?..

— Я сам недалеко-из Выглядовки,—сказал парень в синей рубахе, а он из Змиевки,—указал парень на другого в пиджаке с рваными локтями... Может свернуть „цигарку“, хочешь?—протянул он засаленный кисет.—Не куришь? Ишь-ты— обучим небось...

Пришедший парень снял картуз и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, чего стал, садись,—буркнул малому Маслов... Вот покурю, покажу тебе подружку твою „козу“ с 15-м номером,— мигнул он одним глазом ребятам. — Как звать-то? Дементий? Демка, значит. И то ладно...

Демка сел на опрокинутый ящик.

* * *

— Вот она, подружка твоя,— подвел Маслов Демку к „козе“.— видишь какая, ручками плечики обнимет твои, а ты ее голубушку вон туда на верх тащи — указал Маслов на корпуса — а на ножки-то вот сюда к спинке друг на дружки кирпичики наложишь, сначала немного — десятка полтора... а как втянешься — побольше можно будет... Вот все и дело, накладывай, да таскай — да присматривайся, как мы работаем... штука не трудная — усмехнулся он,— а спине и плечам сперво-началу „горячка“ большая будет. Вот смотри.

Маслов наложил кирпичей, выгнул спину, подошел к „козе“, взялся за ручки и коза плотно прильнула к выгнутой спине.—Гляди,— крикнул он Демке, а сам ровным, размеренным шагом пошел к лесам и по ступенькам вверх,— гляди,— гаркнул он оттуда Демке.

Поглядел. Маслов был на самом верху, он нагнулся на бок и кирпичи с шумом свалились около оконного пролета—только пошел по лесам, а Маслов уже быстро сбегал вниз, топоча ногами с пустой козой.— Видал,— подошел он к Демке. Издали донесся дребезжащий звонок, возвещающий начало работ.

— Ребят — шагом марш к „козам“,— скомандовал Маслов. Ребята нехотя потянулись, Демка тоже подошел, попробовал; ручки войлоком обшиты, чтобы плечи не резали, наложил кирпичей с десяток, жутко больше класть. Подошел спиной, взялся за ручки, пошел, неровно, перебирая ногами и оглядываясь назад.

— Ей, Демка, ровней шаг, не зевай по сторонам! — командовал Маслов, — спину круче выгибай.

Выгнув спину с красными лицами, гусь-

ком, друг за другом, ходили „козоносцы", похожие на горбатых верблюдов. Тяжелыми каплями скатывался пот на ступеньки лесов, а на лесах и внизу у корпусов копошились люди. Звенели пилы, татакали топоры, тренькали молоточки каменьщиков, ухали сваливаемые балки.

— Кирпича давай!—кричали десятники.

— Цементу.. Эй, черти, цементу!.. Вам говорю!—надрывались хриплые голоса.

И ходили вниз, вверх горбатые, красные от кирпичной пыли, козоносцы.

— Эй, ребята, снимай рубахи, первую тыщу стаскали, другую сволочем... Перерыв. Подзакусим, отдохнем.

— Демка, не спеши, ровней ходи... Не спеши за нами — первый день ходишь, сорвешься, черт...

— Ничего, товарищ Маслов, не сорвусь, — отвечал Демка, а спина и плечи, как чужие: одервенели.

Перерыв. Ребята тут-же, на досках, растянулись, подставляя солнцу мокрые зудящие плечи и спины.

Бронзовые, вытянувшиеся на досках, тела ровно дышали и солнечные лучи вливали в отдыхающие мускулы новые силы.

* * *

Застонали в бараке половицы от тяжелого топота ног. Рабочий день окончен. Загудел голосами барак.

— Тетка, Матрен... верти хвостом так и эдак... Давай на стол, что есть в печи,— галдели ребята краснорожей стряпухе

Маслов обводил ножом колесо-ковригу хлебную и в стопку один на один складывал огромные ломти.

— Садись, ребята,—постучал он ложкой по столу.

Матрена подала в деревянной чашке дымящиеся паром щи.

— А где-ж новый-то? Садись-ка, Демка, за хлеб, за соль,— сказал он, увидав Демку, приткнувшегося в углу на топчане.

Демка сел. Застучали сталкивающиеся ложки, задвигали жующие рты, забегала тетка Матрена, подливая щей.

* * *

Ночью Демке не спалось. В голову лезли стаи мыслей, как воробьи на конопляю. Прогонит одну стаю, другая налетает.

— Как-то там отец? Управится-ли с делами, помочь некому без меня. А Миша-то на что, ему 15-й пошел...

Эти мысли улетали, другие лезли. Деревня, лес, спускающийся с горки к самой реке, омут у мельницы, лещи, карпы в нем, во какие! — взмахивает Демка рукой и больно об стену убивает локоть. Оглянулся кругом, по белым стенам шуршат тараканы, в ночной мгле свистят, храпят, вскрикивают спящие люди.

Вот один, с соседнего топчана, заскреб спину, охнул, поднял голову, поглядел кругом бессмысленными глазами и опять грохнулся головой, охваченный сном.

Снова полезли в Демкину голову мысли.

Хороводы, девчата.. Маруська Зотова с золотистыми косами, насмешница деревенская.. Последнее свидание у поваленного плетня...

— Эх, прощай все;— махнул Демка головой.

Гудели плечи, ныла спина. Свинцом налитая голова теряла мысли. Отрывки, без связи, бродили в ней... Клонил тяжелый сон. Все—позади... Впереди — новая жизнь...

К. Шапошников.

РАБОТНИЦЕ.

Среди станков,
Среди ремней широких,
Где шестерен,
Такая быстрота,—
Горит в твоих,
Горит глазах глубоких
С большим умом,
Большая красота.

Как много дней
Прожито в буйном цехе,
Как много дней
Прошло по корпусам.
Как много отдано
Веселия и смеха
И грубым, и корявым голосам.

Усталость, что...
Ее не знали плечи.
Ты грустною
Ни разу не была.
Когда-ж грустить?..
Коль в краснощекий вечер:
Райком,
Ячейка,—
Новые дела...

Ал. Лесной.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Гублит № 743. Типография Тулпечати.